

ВОЙНА САТИРИКОН

Цѣна отд. № въ 25 к. и на ст. 30 к.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

№ 51

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1916
15 ДЕКАБРЯ.

Рис. Реми.

30
КОНТРАГЕНСТВО
АССИСТАНЦІЯ
Я СТАНЦІЯ

ЛОГИЧНО.

Сочувствующій: — Чиво-то у тебя, Женя, рука такая грязная?..

Марковъ 2-й: — Да чего жъ ее зря мыть-то? Все равно некому подавать.

Я безумному завидую порой,
Такъ наскучилъ мнѣ весь здравый смыслъ людской,
Люди-умники, посмѣйтесь надо мной!..

Я незрячему завидую порой,
Что не видить онъ всей подлости людской,
Люди зрячіе, посмѣйтесь надо мной!..

И глухому я завидую порой,
Что не слышитъ онъ о подлости людской
Тотъ, кто слышитъ, пусть смѣется надо мной!..

Филаретъ Черновъ.

НОВЫЙ МУНДИРЪ.

Первый приказъ, который былъ отданъ имъ послѣ назначения, былъ:

— Позвать портного.

Первый вопросъ, который услышали отъ него, былъ:

— Какой цветъ мнѣ къ лицу?

Вопросъ этотъ былъ заданъ портному. Послѣдній прищуръ глазъ, осмотрѣлъ нового заказчика со всѣхъ сторонъ и авторитетно заявилъ:

— Къ лицу вамъ будетъ синій цветъ.

— Вы такъ думаете?

— Убѣжденъ. Лучше синяго не придумаешь.

— Такъ сшите мнѣ синій мундиръ.

По своему положенію новый заказчикъ имѣлъ право носить мундиръ на синей подкладкѣ.

— Завтра будетъ готовъ? — спросилъ онъ портного.

Это былъ второй вопросъ, который услышала отъ него страна.

Портной покачалъ головой.

— Невозможно, — сказалъ онъ.

— Послѣ завтра?

— Никакъ невозможно. Черезъ недѣлю будетъ только готовъ. Послѣ завтра можно будетъ принести только къ примѣрку...

Пришлось мириться.

Портной былъ только портной, а не политический дѣятель, и обѣщаніе свое исполнилъ...

Ровно черезъ два дня онъ принесъ.

— Мѣшковать немножко, — сказалъ заказчикъ.

Портной улыбнулся и снисходительно отвѣтилъ:

— Съ непривычки-съ... Привыкнете, и будетъ чудесно. Какъ вылитый будетъ сидѣть на васъ. Послѣ завтра опять принесу къ послѣдней примѣркѣ.

— Послѣ завтра? ..

Тѣнь набѣжала на лицо нового заказчика.

— Можетъ быть, раньше сдѣлаете. Знаете, какой у насъ климатъ. Сегодня осень, завтра весна... Нельзя ли поторопиться?

Портной развелъ руками.

— Понимаю, — сказалъ онъ сочувственно. — Очень даже понимаю. Сколько разъ получалъ подобные заказы. Торопить, торопить, а принесешь...

— И что? — прервалъ заказчикъ.

— И ничего. Скажутъ только: «Неси назадъ. Уже не надо»...

Заказчикъ былъ взволнованъ.

— Такъ не можете раньше срока?

— Постараюсь. А послѣ завтра опять принесу примѣрять. Шить надо какъ слѣдуетъ.

Портной опять сдержалъ слово — въ урочное время принесъ примѣрять.

Заказчикъ былъ мраченъ, и грусть свѣтилась въ его глазахъ.

— Давайте скорѣе примѣрять! — сказалъ онъ сурово.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Мундиръ обѣщалъ быть великолѣпнымъ.

Заказчикъ повеселѣлъ.

— Ловко шьете! — похвалилъ онъ портного.

— Благодаримъ за лестное мнѣніе-съ...

— Ловко, да долго. Пока сошьется...

— Ничего не подѣлаешь. Лучше долго, чѣмъ плохо.

Впрочемъ...

Портной пріятно улыбнулся и добавилъ:

— Впрочемъ, я вамъ сюрпризъ приготовилъ. На день раньше сдѣлаю. Послѣ завтра принесу.

Дѣйствительно, портной принесъ работу на день раньше, какъ обѣщалъ послѣ второй примѣрки.

День выдался прекрасный, солнышко такъ пріятно, такъ ласково свѣтило.

— Пришелъ!! — услышалъ заказчикъ.

Благоговѣйно взялъ заказчикъ брюки...

Но не договорилъ, такъ какъ въ эту секунду увидѣлъ въ зеркалѣ блѣдное лицо вошедшаго своего помощника.

— Что случилось? — спросилъ онъ тихо, предчувствуя несчастье.

— Вотъ...

Помощникъ больше ничего не сказалъ и только протянулъ газету.

Онъ взялъ газету, прочиталъ и, молча, сталъ снимать съ себя мундиръ.

Снялъ, сложилъ и протянулъ портному:

— Возьмите...

— Взять? За... зачѣмъ?

— Возьмите, говорять вамъ. Больше не нуженъ... Портной повиновался.

— Всегда почти такъ выходитъ, — сказалъ онъ, вздохнувъ. — Не успѣешь сшить, а ужъ не нуженъ... Sic transit!

Портной любилъ читать передовицы въ газетахъ и зналъ, поэтому, латынь.

О. Л. Д'Оръ.

ПРАКТИЧНОСТЬ.

Судья. — Подсудимый! И вы признаетесь, что убили старуху за двугривенный?! И вамъ не стыдно?

Подсудимый. — Что жъ, господинъ судья: сегодня старуху за двугривенный, завтра старуху за двугривенный. Пять старухъ, ань, глядишь, и рубль набѣжитъ...

Волкъ.

В. Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ.

Брюсовъ выпустилъ оконч'е поэмы Пушкина „Египетская ночь“. Альманахъ „Стремнины“.

Разбоя слѣдъ затерянъ прочно
во тьмѣ египетскихъ ночей.
Провѣривъ рукопись
построчно,
гроши отсыпалъ казначей.
Бояться вамъ рожна какого?
Что
противъ — Пушкину имѣть?
Его кулакъ
навѣкъ закованъ
въ спокойную къ обидѣ мѣдь!

M.

„ТОТЪ, КТО ПОЛУЧАЕТЪ ПОЩЕЧИНЫ“.

(Нѣчто монографическое.)

Явленія жизни всегда должны быть суммированы научными обобщеніями, особенно явленія, часто повторяющіяся.

Отъ столицъ, до самаго наизаштатнѣшаго городка, въ каждомъ уважающемъ себя «театръ миниатюръ» въ настоящее время имѣется конферансъ. Эта фигура такъ же необходима, какъ швейцарь у входа, кассиръ въ кассѣ или публика въ залѣ. Задача нашей монографии — указать на историческія предпосылки этого института, выяснивъ въ общихъ чертахъ его современное дѣйственное значеніе.

* * *

При спущенномъ занавѣсѣ къ рампѣ выходить пожилой господинъ, фигура и крѣпкое тѣлосложеніе котораго, по всей вѣроятности, заставитъ его дѣтей повторять черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ англійскихъ военныхъ плакатовъ: «Папа, что ты дѣлали во время великой войны?». Конферансъ кланяется, обводитъ залъ глазами, и разговоръ начинается.

— Здравствуйте, господа!

Залъ хранитъ сосредоточенное молчаніе.

— Здравствуйте, господа... Не отвѣтаете? Ну такъ не здравствуйте, господа.

Въ заднихъ рядахъ кто-то стыдливо смеется.

— Кого я вижу! — восклицаетъ конферансъ. — Мое почтеніе, Семенъ Абрамовичъ... Вы опять по контрамаркѣ? Вопросъ остается безъ отвѣта.

— Ну, не стыдитесь! Признавайтесь, Семенъ Абрамовичъ. По контрамарочкѣ ходите?

— Оставьте меня въ покой. Во-первыхъ, я не Семенъ Абрамовичъ, а во-вторыхъ, я заплатилъ за билеты.

Конферансъ не смущается.

— Заплатили за билетикъ? Очень хорошо. Поддерживаете, такъ сказать, коммерцію. Кстати — удачно спекулинули?

Несчастная жертва краснѣеть, волнуется и, чтобы отвлечь отъ себя всеобщее вниманіе, сосредоточенно перечитываетъ программу.

— Да вы программу оставьте. Лучше разскажите намъ, на чёмъ вы спекулинули. Кожа? Сапожки? Сахаръ?

— Если вы не перестанете, я брошу въ васъ стуломъ, — нервно откликается жертва... Я не спекулянтъ, я служу въ контрольной палатѣ.

— Бросите стуломъ? Да, кстати ю стульяхъ. Предлагаю всей публикѣ сѣсть на спинки, ноги поставить на сидѣніе и изображать морскую качку. Специально мой трюкъ. Результаты поразительные. Итакъ, разъ, два, три! Ну, что же, господа, — я жду.

Никто не рѣшается послѣдовательно приглашенію конферансу. Чей-то неувѣренный голосъ:

— Еще что придумаете! Такъ можно и ноги сломать...

— А вы не бѣлобилетникъ?

Вопрошавшій смущенно прячется.

— Господа, слыхали послѣднюю новость? Посыщающіе нашъ театръ будутъ пользоваться отсрочками по призывамъ...

— Почему? — спрашивается недружный хоръ.

— А я вамъ сейчасъ отвѣчу. Во-первыхъ, мы работаемъ на оборону, а во-вторыхъ...

— Какая оборона? — басягъ изъ угла.

— А вотъ подымитесь ко мнѣ на сцену, — я вамъ объясню.

— Ну, это вы ужъ ахъ оставьте...

— Ахъ оставьте, или ухъ оставьте?

Необычайно смѣшныя слова не встрѣчаютъ никакого сочувствія; публика выжидало кашлять. Мучитель-конферансъ быстро выискиваетъ новую жертву и обращается къ пожилому лысому господину, упорно кашляющему въ третьемъ ряду.

— Простудиться изволили? Простудились? Это я васъ спрашиваю.

— Да, простудился, — смущенно бормочетъ зритель.

— Не хорошо-сь! Не хорошо-сь... Безъ калошъ ходите? Безъ калошъ? Да вы не смущайтесь, дѣло житейское.

Вотъ они — мародеры тыла! Калошъ нѣтъ, человѣкъ простуживается. Знаете, такъ и умереть можно. Простудитесь, а потомъ и ножки протянете. Вы согласны?

Лысый господинъ держится совершенно противоположнаго взгляда и негодуше отворачивается отъ сцены.

— Господа, — предлагаетъ конферансъ. — Одинъ изъ нашихъ зрителей въ виду отсутствія и вздорожанія калошъ приближается къ смерти; я предлагаю почтить его практъ вставаниемъ и хоромъ пропеть вѣчную память.

— Каторжникъ, — возмущенно кричитъ лысый господинъ и шумно выходитъ изъ залы.

— Господа, я не вызываю на дуэль только потому, что признаю господина безъ калошъ недуэлеспособнымъ. Что?.. Ка-къ?.. Итакъ, въ виду нанесенного оскорблѣнія объявляю перерывъ и перехожу къ порядку дня. Занавѣсочку!

Конферансъ уходитъ. Публика облегченно вздыхаетъ. Становится легко, свободно, радостно; всѣ съ удовольствіемъ смотрятъ пьесу, счастливые избавленіемъ отъ мукъ.

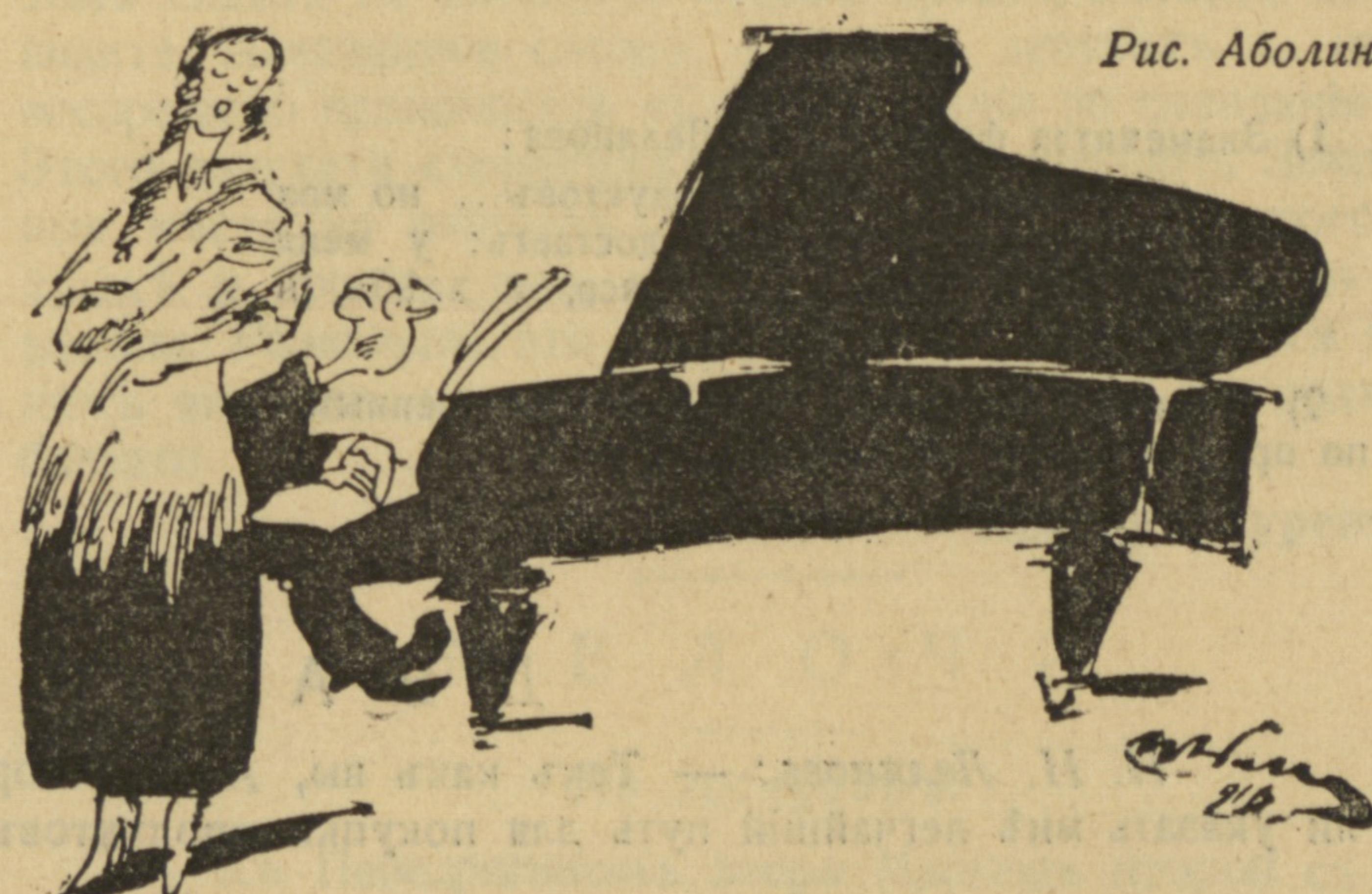
* * *
Профессія конферансъ — профессія трудная. Эта должностъ требуетъ упорной работы, недюжинной физической выносливости и исключительного терпѣнія. Лица, желающія занять должность конферансъ, предварительно подвергаются медицинскому освидѣтельствованію. Конферансъ долженъ обладать хорошимъ зрѣніемъ; онъ долженъ сразу, окинувъ глазами партень, выискать наиболѣе кроткаго и безобиднаго пациента. При слабомъ зрѣніи возможны ошибки. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ провинціальныхъ театровъ близорукий конферансъ упорно обращался къ дежурному приставу съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «Ну что, Яковъ Абрамовичъ, какъ съ аллюминіемъ?» Когда близорукий человѣкъ понялъ свою ошибку было уже поздно. Антрепренеръ, уважавшій власть, отказалъ близорукому конферансу.

Профессія конферансъ — тяжела и опасна. Многіе ея представители становятся жертвой разъяренной толпы; исторія знаетъ примѣры, когда конферансъ избивались публикой, засовывались въ суплерскую будку или искусно сбрасывались въ оркестръ, на голову первой сприки. Если сопоставить всю опасность этого промысла, всѣ тяготы и невзгоды, которыя связаны съ этимъ ремесломъ, — надо сознаться, что въ призваніи конферансъ заложенъ элементъ святого мученичества и великаго подвижничества.

Впрочемъ, если человѣкъ послѣдовательно мѣнялъ профессію боцмана, ледокола или рудокопа, — трудъ конферансъ ему не страшенъ.

Бор. Мирскій.

Рис. Аболина.



МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША.

Аккомпаніаторъ: — Вы знаете, вашимъ „нізамъ“ по теперешнимъ временамъ цѣны нѣтъ!

Пѣвица: — Значить, вамъ нравится мой голосъ?..

Аккомпаніаторъ: — Какой тамъ голосъ... я говорю о ботинкахъ.

1) Знаменитая фраза П. И. Лелянова:

— Говорять, ять продуктовъ... но моя кухарка все прекрасно достаетъ: у меня каждый день бываетъ и мясо, и хлѣбъ, и молоко...

2) Леляновъ назначенъ особо-уполномоченнымъ по продовольствію Петрограда.

Д В А А В Т О Р И Т Е Т А.

П. И. Леляновъ: — Такъ какъ вы, Агаѳя, гораздо больше меня понимаете во всемъ этомъ, то не соблаговолите ли указать мнѣ легчайшій путь для покупки продуктовъ, необходимыхъ ввѣренному мнѣ Петрограду!..

В С Е У С Л О В Н О.

— Вы знаете, милочка — сливочное масло уже четыре рубля фунтъ. Скоро оно сдѣлается настолько дорогимъ, что будетъ шикарно мазать имъ волосы!

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА.

У васъ смутлья шея и щеки,
Обоженные солнцемъ Италии . . .
Когда наступаютъ «платежные» сроки,
Я любуюсь вами въ канцелярии
Юридического факультета
Московскаго университета.

Лѣнивой и сонной походкой
Идете къ ящику со входными билетами.
Шея томится подъ черною ленточкой,
Рука — подъ дешевыми браслетами.

Многіе студенты за скучными книжками
Грезятъ ленточкой и вашими руками,
На время становятся приготвишками
И толкуются безъ цѣли, часами,
Въ канцелярии юридического факультета
Московскаго университета.

А вы — стройнѣе готическихъ колоколенъ —
Сообщаете одинаковыи тонамъ:
— За невзносы платы уволенъ . . .
Отсрочка отмѣнена закономъ . . .

Студенты пьянѣютъ отъ звуковъ контрабалто,
Они — работѣлые парі
Предъ изваяніемъ изъ базальта,
Предъ той, кто на стражѣ интересовъ канцелярии
Юридического факультета
Московскаго университета . . .

Москва.

Олегъ Леонидовъ.

БУДУЩАЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЬ.

«Фракція правыхъ разваливается».

«Фракція правыхъ развалилась».

Настанетъ день, когда иностранцамъ (изъ нашихъ теперешнихъ союзниковъ или нейтралистовъ), гидъ, въ формѣ курьера, будетъ показывать:

— Здѣсь вотъ развалины фракціи правыхъ... Въ 1916 г. она начала разваливаться и въ томъ же году развалилась. Дѣти, не подходите близко!.. По преданію, правые путались съ темной, нечистой силой, которая иногда завлекала въ свои сѣти и людей, считавшихся прежде порядочными. Это мѣсто отгорожено, такъ какъ теперешніе правые тамъ сидѣть не желаютъ. Черное кресло, которое вы тамъ видите, вымазанное смолой, занималъ депутатъ... имя его воспрещено произносить въ этомъ зданіи до скончанія вѣка! Этого депутата сторонились, какъ зачумленного. Закрашенныя мѣста на пюпитрѣ скрываютъ лепеть о дорогой матушкѣ и прочія слова, которыя правые надписывали и вырѣзали. Развалины эти не убираются и оставляются въ такомъ видѣ въ назиданіе потомству. Дѣти, не подходите близко!

Исидоръ Гуревичъ.

М Е Л О Ч И.

По заслугамъ.

— Къ Передрягинымъ вчера Марковъ второй съ визитомъ пришелъ . . .

— Такъ имъ, чертятъ, и надо!

Среди шуллеровъ.

— Вчера у клуба проторчалъ битый часъ.

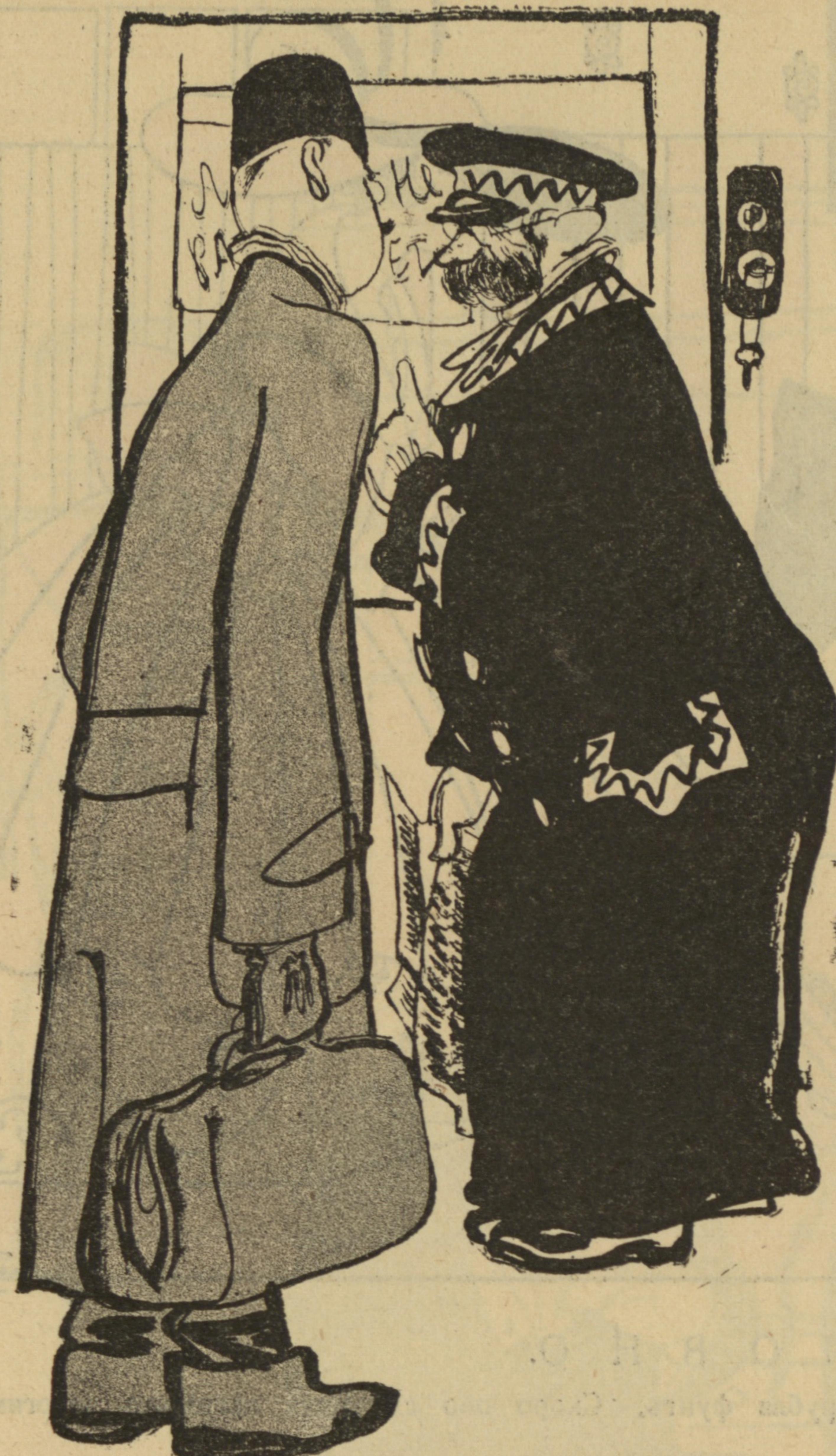
— Эхъ, у тебя часъ и тотъ . . . битый!

Д.

Рис. В. Л.

ТЕОРЕТИКИ.

(Литературный зъвокъ.)

ВЪ ЛИФТОПУСТНЫЙ ДЕНЬ.

— Номера есть?

— Ни одного свободного. Могу на сегодня, по случаю лифтопустного дня сдать лифтъ... тепло, спокойно и можете остановиться на любомъ этажѣ...

УСПѢХЪ.

Рыжій клоунъ въ воздухѣ вскинулся
И закричалъ: «А-эро-планъ!»
Никто не смеялся, никто не двинулъся.
Старикъ прошамкалъ: «Вотъ болванъ!..»

Рыжій клоунъ захлопаль ладонями
И кукурекнулъ, какъ пѣтушокъ.
Всѣ скучали, сидѣли сонями.
Старикъ пошелъ, неся зѣвокъ...

Клоунъ думалъ: «Дѣло провалено:
Дебютъ не вышелъ; голодъ, тоска...»
И вдругъ швырнуль снѣ: «Прощай, развалина!» —
Прямо въ спину старика.

Вышло грубо и пронзительно.
Самъ клоунъ не понялъ, почему
Циркъ гыкнулъ, гакнулъ и заразительно
Зааплодировалъ ему.

Но стало ясно: вотъ гдѣ рублики...
И клоунъ крикнулъ: «Дурачье!»
Циркъ гоготалъ. Шептались въ публикѣ:
«Острѣ!.. Его ли, или чье?..»

Ал. Вознесенский.

Футуристическимъ докладамъ называется такое чтеніе по тетрадкѣ въ присутствіи восемнадцати человѣкъ, когда докладчикъ не понимаетъ, что онъ говоритъ, а слушатели — что они слушаютъ.

Для того, чтобы никому изъ нихъ не было обидно, выступаютъ оппоненты, которыхъ не понимаетъ ни та, ни другая сторона.

Раньше футуристические доклады читались на изысканно отвлеченные темы и привлекали всеобщее вниманіе исключительно своимъ шумомъ.

Нижніе жильцы приходили къ управляющему домомъ и говорили:

— Разрѣшите контрактъ порвать. Не могу. У нихъ не то паровозъ домашній, не то дрова рубятъ. У меня дѣти. У средняго малокровіе и не спить по ночамъ.

Если доклады устраивались въ специальныхъ помѣщенияхъ, публика сидѣла на нихъ по полчаса и уходила разочарованная.

— Скучно. Всегда я такъ перепутаю. Хотѣль на докладъ попасть, а тутъ какіе-то отчеты акціонерной компаніи. Правда, цифры нѣть, а всѣ другъ друга ругаютъ...

Тогда футуристические доклады были ярки и опредѣленны:

— Плюю съ колокольни.

— Сапогомъ въ животъ.

— Эчо — штопоръ въ мѣщаница.

Выходить на трибуну молодой человѣкъ съ большой поддержанной хризантемой, подвязанной къ пиджачку, говорилъ громкимъ голосомъ и, запивая афоризмы кипяченой водой, слегка потрясалъ творческія основы.

Доклады были кратки и рѣшилельны.

— Мужчины и наоборотъ! Я вышелъ, чтобы плонуть на память Пушкина, котораго я не читать.

— Это онъ серьезно? — робко спрашивала какая-нибудь старая дѣва неизвѣстнаго пола и возраста, рѣшившая съ горя уйти въ футуризмъ, — тогда я подвинусь къ стѣнкѣ.

— Кромѣ того, — вспомнилъ по записочкѣ докладчикъ, — я еще плюю на Некрасова. Что касается Лермонтова, то на него я уже успѣлъ плонуть въ прошломъ своеѣ докладѣ. Плюю на классиковъ. И, тѣмъ не менѣе, плюю на Зибискира Мухортаго.

— А это кто такой?

— Мухортый? Человѣкъ будущаго. Сейчасъ онъ на другомъ докладѣ юстъ битое стекло. Тоже футуристъ. Кроме того, плоню на всѣхъ васъ.

— Виновать, — вскакивалъ кто-нибудь изъ слушателей, — вы плонете на меня?

— Вообще, на всѣхъ, — упрямо подтверждалъ докладчикъ.

— Здѣсь, между прочимъ, находится моя невѣста. Знать, и на нее?

— Плюю ей въ бороду.

— У нея нѣть бороды.

— Мѣщанка. У женщины будущаго борода будетъ.

— Вы мнѣ отвѣтите за это, — возмущался слушатель.

— Я принимаю въ пятницу отъ двухъ до трехъ, въ своеѣ особнякѣ, что по Шамшевской улицѣ въ домѣ номеръ девяносто три, квартира одиннадцать. Входъ съ чернаго, — гордо заявлялъ футуристъ-докладчикъ.

Иногда били его. Иногда били онъ. Литературная цѣнность доклада отъ этого не мѣнялась, но слушатели не скучали. Одному нужно было выбѣгать на улицу съ наскоро схваченнымъ пальто, другой оставался въ помѣщениіи держать за голову не согласнаго съ его мнѣніемъ сосѣда, третій тащилъ лектора за ноги и кричалъ, что онъ переломить ему спинной хребеть.

Однѣй прѣзжай иностранецъ, лежа послѣ одного футуристического доклада въ благоустроенной больницѣ, даже сказалъ:

— Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ больно...

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока футуристы не перешли къ теоретическимъ спорамъ.

Появились альманахи съ теоретическими выясненіями футуризма. Авторы начали писать серьезно, не обращая вниманія ни на что.

— Каждая буква есть цѣлое музыкальное произведение. А — напоминаетъ протяжный крикъ непритянского ребенка, котораго топить крестная мать въ судоходной рѣкѣ. З — это

НОВЫЙ САТИРИКОН

шорюхъ коробки изъ-подъ консервовъ въ благотворительной столовой на Темзъ, въ осенний полдень. Р — крикъ совы, съѣденной, какъ заяцъ, за обѣдомъ паралитика.

Но съ альманахами оказалось очень легко бороться. Принесенный въ домъ умнаго человѣка, онъ быстро шелъ для поддержанія равновѣсія шатающагося письменнаго стола, помогать растапливаться сырымъ дровамъ въ ванной или быстро дарился горничной, какъ книга, которую очень полезно послать въ деревню для чтенія на волостныхъ сходахъ.

Тогда начались доклады, посвященные теоріи футуризма. Докладчики уже перестали смотрѣть на аудиторію, какъ на общественную плевательницу, и передъ докладами учили наизусть подъ рядъ, или вразбивку популярные словари иностранныхъ словъ.

— Сикапена — греческій городъ... Умикозія — отраженіе лѣвой ноги въ стоячемъ источнике... Шантіпупъ — древній вождь атцекское... Харавака — татарское ласкательное слово по отношенію къ больному теленку... Зимбрракакись — греческій министръ.

Пришедшая на докладъ публика запирается въ одну комнату, и докладчикъ вдохновенно выясняетъ тонкости футуристической теоріи.

— Мы, футуристы, боремся за новое слово. Намъ нужно особое, шаршавое, остро пахнущее, застревающее въ мозгу. Например — щахачумъ. Вы слышите, какая музыка въ этомъ — ща-ха-чу... Какъ будто бы поетъ свирѣль, потерянная тигромъ. Щахачумъ... Я знаю, что это слово ничего не обозначаетъ, но развѣ есть какой-нибудь обыденный смыслъ у такого слова, какъ фуркапысь, а, между прочимъ, я уже два года употребляю это слово, какъ порицаніе по отношенію къ мясу, естественной исторіи и авіаціи.

— Нужно создать новое слово. Нужно сдѣлать его. И мы его сдѣлаемъ. А какъ сдѣлать новое слово? Не знаю. И никто не знаетъ, а нужно.

— Шигалдурить, — подсказываетъ кто-то изъ слушателей, проснувшись отъ упавшаго портсигара.

— Шигалдурить? Прекрасное слово. Что оно означаетъ?

— Женское имя, — догадывается кто-то сбоку.

— Архитекторъ. А можетъ быть — плацкарта. Это все равно. Важно лишь бы слово запоминалось...

И вдругъ всѣмъ становится неловко. Докладчикъ сразу начинаетъ сознавать, что, если онъ не сумѣеть сейчасъ наэлектризовать слушателей, они начнутъ кашлять, сморкаться и грустно смотрѣть на запасной выходъ.

— А я знаете того, — заикающе подмигиваетъ онъ, — не признаю слово вообще...

— А какъ же безъ слова? — удивляются слушатели.

— А такъ. Помычаль и довольно. Человѣкъ будущаго догадывается.

— А какъ же, если стихи читать?

— Туловищемъ.

— Невыразительно это, знаете.

— Ну, это какъ какое туловище... У людей будущаго оно будетъ другое. Вообще, стою за перемѣну туловища. Для поэзіи это необходимо.

— Можетъ, проголосуемъ? — по старой общественной привычкѣ предлагать кто-то изъ постороннихъ слушателей.

— Туловище голосовать? Не надо. Мы люди будущаго...

* * *

Иногда бываетъ, дѣйствительно, весело, когда приходитъ человѣкъ въ чужой домъ и говорить неожиданную глупость. Но какъ скучно, когда этотъ же человѣкъ за двѣ недѣли до этого сидитъ, сгорбившись, надъ столомъ, изучаетъ громадный шеститомный трактатъ:

«Искусство говорить глупости въ небогатыхъ домахъ въ любой изъ дней высокоснаго года». Съ приложеніемъ разборной карты и диаграммъ. Полная перепечатка третьяго изданія.

Арк. Буховъ.

Рис. Б. Григорьева.

ПОЧЕМУ БЫ ЭТО?

— Какъ странно выходятъ газеты: ложась спать, я получаю утреннюю газету, просыпаясь — читаю вечернюю.

ДОНЪ-КИХОТЬ И САНЧО-ПАНЧО.

Милюковъ: — Ну-ка нападемъ на этихъ великановъ — въ честь нашей Дульцинеи Тобозской!.. Ура!!.
Санчо: — Почему — ура? Я предпочелъ бы: «караулъ!»

ЖИЗНЬ НОВОИСПЕЧЕННЫХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ.

Рис. Б. Антоновскаго.

9

— Видите ли, голубушка — мнѣ нужна компаніонка съ красной шеей. Такъ какъ всѣ мои брилліанты уже не умѣщаются на моей шеѣ, то на вашей обязанности будетъ — часть брилліантовъ надѣвать на себя и ходить за мною.

— Мамка, что это у ребенка вся спинка исцарапана?
— Это отъ простины. Баринъ приказалъ, чтобы ребенокъ спаль на кускѣ золотой парчи, вытканной изумрудами.

— Милости прошу къ столу! Попробуйте, пожалуйста, этотъ деликатесъ...

— Что это?! Жареные собаки?!

— Да, но какія, мой дорогой! Премированные. Я самъ на собачей выставкѣ по полторы тысячи за штуку платилъ. Поищите кушанье подороже..!

Ювелиръ: — Позвольте... Зачѣмъ вы меня сюда привели...
Мнѣ не надо.

— Я знаю, что вамъ не надо, но мнѣ надо! Я х отѣлъ бы, чтобы эту ручку вы усыпали изумрудами, а посрединѣ поставили звѣздочку изъ трехъ сапфировъ!

НОВЫЙ САТИРИКОН

ПСИХОПАТЫ.

(Истеричкамъ и неврастеникамъ.)

Въ редакцію Гипсъ заходилъ на минутку: оставить рукопись, задать нѣсколько вопросовъ и уйтъ. Отъ длинныхъ разговоровъ онъ уклонялся; это знали, и никто съ нимъ не заговаривалъ. Въ редакціи Гипса любили за талантъ и «доброту». Вся редакція занимала у него деньги.

— Гипсъ, дайте, голубчикъ, синеньку!..

Гипсъ, молча, даетъ деньги и записываетъ въ блокъ: та-
кому-то пять рублей.

— А мнѣ десять рублей!..

Молча протягивается десятирублевка и вписывается въ
блокъ.

Надъ этимъ записываніемъ смѣялись. Художникъ Ко-
стенко спросилъ разъ Гипса:

— Зачѣмъ вы записываете?

— Чтобы не забыть.

— Но вѣдь вамъ, все равно, никто не платить долговъ...

Гипсъ ничего не отвѣтилъ. А когда онъ ушелъ, Костен-
ко сказалъ:

— Не люблю я этого человѣка, машина какая-то...

Секретарь положилъ телефонную трубку и сказалъ:

— Гипсъ вѣнчается сегодня и зоветъ всѣхъ на свадьбу.

Извѣстіе о женитьбѣ Гипса произвело сенсацію. Сотруд-
ники зашумѣли.

— Не могу себѣ представить, какъ этотъ сухарь будетъ
цѣловаться съ женой, — сказалъ художникъ Костенко.

— Откуда вы знаете, что онъ сухарь? — спросилъ се-
кретарь. — Мы его совершенно не знаемъ; но если судить
по его новелламъ, онъ кой-что смыслить въ любви.

— Ого-го-го!.. — подхватили сотрудники. — Нѣтъ,
интересно, интересно... Въ которомъ часу вѣнчаніе?

— Въ семь.

— Увидимъ... Посмотримъ... Побачимъ... Я буду
кричать: «Горько», чтобы Костенко увидѣлъ сочные поцѣлуи
жениха.

— Воображаю этотъ сокъ... клюквенный... — вяло
сказалъ Костенко.

На свадьбѣ было много женщинъ, цветовъ, вина и смѣха.
На молодыхъ дождемъ лились тосты, остроумные, игривые...

Во время тоства жениха пьяный Костенко вдругъ крикнулъ:

— Послушайте, Гипсъ, дайте пять рублей!..

На Костенко зашикали.

Гипсъ прервалъ рѣчь, съ невѣроятной быстротой досталь
изъ бумажника пятирублевку и протянула ее Костенко. По-
томъ вынула блокъ, записаль и продолжалъ рѣчь съ фразы,
на которой остановился.

А Костенко сунулъ деньги въ карманъ и вышелъ изъ
комнаты.

За нимъ бросились пріятели.

— Ты съ ума сошелъ!..

— Отстаньте!.. — хмуро сказалъ Костенко. — Те-
перь я убѣжденъ, что если попросить у этого кретина денегъ
въ тотъ моментъ, когда тигръ, вырвавшись изъ клѣтки, го-
товится прыгнуть на него, онъ съ идиотскимъ спокойствіемъ
дастъ деньги, запишетъ въ блокъ и только тогда приметъ
мѣры предосторожности.

Гипсъ хоронилъ свою жену. Она родила сына и умерла.

Въ гостиной стоялъ гробъ, служились панихиды, прихо-
дили и уходили люди.

Гипсъ, какъ всегда, ясный, спокойный, стоялъ у гроба и
смотрѣлъ въ лицо умершей. Къ нему подходили знакомые,
родственники. Онъ кротко шептался съ ними, нѣкоторымъ
давалъ деньги и записывалъ въ блокъ.

Однажды въ ресторанѣ къ столику, за которымъ ужи-
налъ Гипсъ, подошелъ пьяный Костенко и сѣлъ. Онъ ку-
рилъ, хмурился и въ упоръ смотрѣлъ на Гипса. Тотъ спо-
койно лѣгъ.

— Послушайте, вы... — началъ Костенко. — Почему
вы такъ убийственно спокойны? Что вы — факиръ, послѣдователь
Эпиктета или... Меня раздражаетъ ваше спокойствіе...

— А вы не раздражайтесь, голубчикъ, — кротко сказалъ
Гипсъ и положилъ себѣ горчицы.

— Теперь я еще больше раздраженъ...

Гипсъ, молча, лѣгъ осетрину.

— Скажите, почему вы такъ возмутительно спокойны,
почему вы мало и медленно говорите, медленно ходите, по-
чему, а? Я не уйду, пока вы не отвѣтите мнѣ.

Костенко съ ненавистью смотрѣлъ на Гипса и ждалъ.

Гипсъ позвалъ лакея и заказалъ цыпленка. Затѣмъ от-
пиль изъ кружки и сказалъ тихо и нѣжно:

— Я потому спокоенъ, мало говорю, медленно хожу, что
хочу такъ, хочу... Потому, что я такой есть... Есть на
свѣтѣ Парижъ, лошади, скунбрія въ томатѣ и есть я. Есть
такой, какой есть. Вотъ и все.

— Это чепуха, — сказалъ Костенко. — Нѣ-ѣтъ, это не
то, это меня не удовлетворяетъ. Вы скажите мнѣ... —
Онъ икнулъ. — Скажите... Вотъ что скажите: были вы
когда-нибудь раздражены?

— Да. Однажды я былъ очень неспокоенъ, много гово-
рилъ, быстро ходилъ...

— Да-ну?.. — съ любопытствомъ спросилъ Костен-
ко. — Когда же это?..

— Когда моя жена, умирая, созналась, что ея ребе-
нокъ — вашъ ребенокъ...

Костенко смущился, хотѣлъ встать, но не всталъ.

А Гипсъ продолжалъ:

— Видите ли, меня испугала тогда одна возможность...
Мелькнула мысль, что вы, приходя къ женѣ, могли надѣвать
мои ночные туфли... Но когда жена поклялась, что этого
не было, я успокоился.

Костенко всталъ и быстро, какъ трезвый, пошелъ къ вы-
ходу, бормоча:

— Какая чепуха, чортъ знаетъ, что такое...

На другой день Костенко пошелъ къ психіатру.

Въ кабинетѣ за столомъ сидѣлъ плотный розовый блон-
динъ.

— Здравствуйте, садитесь, рассказывайте, — быстро
сказалъ блондинъ.

— Видите ли, докторъ, меня мучитъ одна мысль... —
сказалъ смущенно Костенко.

— Какая? — спросилъ врачъ, глядя на печь.

— Мнѣ хочется убить...

Врачъ зѣвнуль.

— Разскажите: кого, за что и такъ далѣе..

— Мнѣ хочется убить писателя... Я любилъ его же-
ну, но это не ревность, нѣтъ... Мнѣ онъ былъ непріятенъ
давно, еще до брака...

— Что же вамъ не нравится въ немъ? — спросилъ врачъ,
попрежнему смотря на печь.

— Его спокойствіе. Онъ всегда спокоенъ, его ничто не
можетъ возмутить. Онъ стоялъ у гроба любимой женщины
и былъ равнодушенъ...

— Вы художникъ Костенко? — спросилъ вдругъ врачъ,
сматря пациенту въ глаза.

— Да... — съ удивленіемъ отвѣтилъ Костенко.

— Я знаю писателя, о которомъ вы говорите; зналъ по-
койную и отъ нея слыхалъ о васъ. И покойница, и ея мужъ
лѣчились у меня. Она страдала истеріей, а у него нрав-
ственное помѣщательство. Онъ, какъ это ни странно, та-
лантильный писатель. Но это именно и характерно для нрав-
ственное помѣшанныхъ. Среди нихъ попадаются блестящe
образованные, хорошо воспитанные люди, но холодные, ко
всему равнодушные, способные на преступленіе. Еще до
знакомства съ Гипсомъ я, читая его разсказы, заинтересо-
вался имъ. Всѣ его герои — невропаты, чудаки, люди со
странными мыслями и чувствами... По большей части это
спокойные, холодные эстеты, такие же, какъ онъ самъ...

Все это я рассказалъ для того, чтобы объяснить причину его
спокойствія, которое такъ раздражаетъ васъ. А теперь пе-
дейдемъ къ вамъ...

Врачъ задалъ рядъ вопросовъ и приступилъ къ изслѣдо-
ванію.

— Что жъ, неврастенія... — сказалъ онъ. — Аптеки,
лѣкарствъ — не надо. Идите на солнце, къ морю. Щѣсть
побольше фруктовъ. Можно слабое вино, бѣлое. Полюбите
хорошую женщину. Одну. Вотъ и все. Мысль объ убий-
ствѣ васъ оставитъ. Да, такъ не смущайтесь, опасности
нѣтъ. Всѣ мы вѣдь теперь слегка психопаты. Изъ вашей
редакціи еще двое ко мнѣ ходятъ. Вообще представители
искусства частенько забѣгаютъ къ психіатру. Да и сами-то
мы не всѣ здоровы. Вашъ покорнѣйший слуга, напримѣръ,
съ большими душкомъ. Я уже больше десяти лѣтъ борюсь
съ безуміемъ, чудовищнымъ напряженіемъ воли отбрасываю
надвигающееся на меня сумасшествіе. У меня всѣ признаки

паранойи, то-есть первичного помышательства. И воть, какъ видите, ничего... Даже другихъ лѣчу и утѣшаю. Живучъ человѣкъ, и приспособляемость его безгранична. Надо только жить бодро, быть всегда на чеку... Вы художникъ, и вамъ особенно легко обманывать и себя, и міръ, и даже безуміе. Я воть обманываю... — Онъ засмѣялся. — Я боленъ, но умѣю обманывать себя и здоровы. Ну, будьте здоровы.

Врачъ подалъ Костенко руку.

Костенко положилъ на столъ пятирублевку и быстро вышелъ. Онъ былъ радостно возбужденъ.

«Чортъ знаетъ... — думалъ онъ, быстро несясь по улицѣ. — Выходитъ, что всѣ, весь міръ сумасшедший... Даже психиатры... Чорртъ!.. Но какъ пахнуть тополи... Апрѣль, весна!.. Хо-хоз-хоз-хоз!.. Уѣду, завтра же уѣду. На югъ, къ морю, къ кипарисамъ. Хочу солнца, радостей, смѣха... Хочу жить, жить, жить!..»

Онъ шелъ и радостно смѣялся.

В. Черній.

АКВАРІЙ.

Бываютъ ясныя утра,
Не омраченныя страданьемъ,
И въ мелкомъ солнечномъ мельканьи
Дорожки узкия двора.

На лакѣ круглого стола
Мнѣ миль акварій полноводный,
Гдѣ блескъ искристый и холодный
Заря веселая зажгла.

День будетъ легкій и счастливый,
И я гляжу, прилежно-тихъ,
Какъ стая рыбокъ золотыхъ
На дно бросается пугливо.

Но мнѣ знакомый тусклый часъ,
Безсонной ночи часъ послѣдний,
Когда, смѣнивъ ночные бредни,
Заря плачевная зажгла.

Тогда я чую рыбий плѣнъ
И жизнь, отмѣренную скupo,
И мысль плаветь, толкаясь тупо
Въ глухой предѣлъ стеклянныхъ стѣнъ.

Семей Кесельманъ.

СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ.

(Монологъ.)

— ... Позвольте, съ какой стати я долженъ служить человѣчеству? Я, по-вашему, долженъ, выходить, заботиться о полинезійцѣ Гуляй-Нога, или какъ тамъ его?.. А позвольте васъ спросить, онъ-то обо мнѣ заботится?! Да пропади онъ пропадомъ со всей его Полинезіей!.. Если даже и будетъ загробная жизнь, то земная, вѣдь, не повторится никогда! Даже, если вѣрить въ перевоплощеніе душъ, то, вѣдь, все же я не буду такимъ, какъ я сейчасъ, и, можетъ, тогда и знать не буду, что я тотъ самый, теперешній. Можетъ, я и раньше существовалъ до перевоплощенія въ теперешняго, такъ что мнѣ изъ этого? Вотъ, если бъ я, прежній, оставилъ бы себѣ, теперешнему, наслѣдство — это я понимаю!.. Нѣть, дорогие мои, пусть человѣчество мнѣ служить. Выдумать кто электрическое освѣщеніе — спасибо!.. А только онъ это не для человѣчества — для себя же, ему же такому-сякому свѣтлѣ будешь да на изобрѣтеніи своеѣ заработаешь. А не заработаешь — дуракъ, значитъ. Вообще, каждый лишь о себѣ и думай: своя рубашка ближе къ тѣлу, а ежели своей нѣть — и чужая ближе будетъ: умѣй только половчье снять ее съ другого да на себя накинуть!.. «Мародеры!.. Мародеры!!» Если на то пошло и вамъ ужъ такъ по сердцу служеніе человѣчеству, то мародеры больше всѣхъ служатъ человѣчеству. Въ мародерѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается и жадность человѣческая къ наживѣ, и любовь къ презрѣнному металлу, и безпринципность, и эгоизмъ, и мошенничество... все отрицательное собралось въ немъ! Ни одинъ писатель, будь онъ рас propaneй, распрошеспиръ никогда не создастъ такого собирательного типа. И, глядя на него, человѣчество пойметъ всю мерзость заложенного въ немъ и обратится, если не тѣломъ, то душой, помыслами, ко всему тому прекрасному, чего въ мародерѣ нѣть. Вотъ вамъ и настоящее служеніе человѣчеству! Я — мародеръ и горжусь этимъ!

Исидоръ Гуревичъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Поссорились.

„Петрогр. Газета“ пишетъ:

Когда князь Оболенскій занималъ постъ петроградскаго градоначальника, о его „борьбѣ“ съ дороговизной волей-неволей приходилось молчать. Теперь печать молчанія снята.

И воть представитель общества по борьбѣ съ дороговизной Г. И. Кушнырь-Кушнаревъ предоставилъ „Н. Вр.“ составленный имъ въ свое время докладъ, въ которомъ разоблачаются чисто-спекулятивные дѣянія тѣхъ лицъ, которымъ было вѣрено важное дѣло продовольствованія столицы.

Въ отвѣтъ на эти разоблаченія, ближайшій помощникъ кн. Оболенскаго въ дѣлѣ „борьбы“ съ дороговизной, г. Фокинъ, выступилъ, въ свою очередь, съ разоблаченіемъ... разоблачителя.

Такъ, г. Фокинъ увѣряетъ, будто общество, во главѣ которого стоитъ г. Кушнырь-Кушнаревъ, занималось не столько борьбой съ дороговизной, сколько отвратительной спекуляцией, съ цѣлью нажить деньги. Напримѣръ, — указываетъ г. Фокинъ, — требование градоначальника о предоставлѣніи въ его распоряженіе сахара вызвано распродажей сахара Кушнырь-Кушнаревымъ частнымъ торговцамъ.

Петроградцу вслѣдствіе всего этого живется голѣдно, но весело.

Въ полномъ составѣ.

Если даже губернаторское терпѣніе лопнуло — такъ это, дѣйствительно, должно быть грандіозно:

Харьковскій губернаторъ оштрафовалъ за хулиганство въ пьяномъ видѣ президіумъ харьковскаго отдѣла союза русскаго народа въ полномъ его составѣ („Р. С.“).

Трагательнѣе всего во всемъ этомъ „полный составъ“.

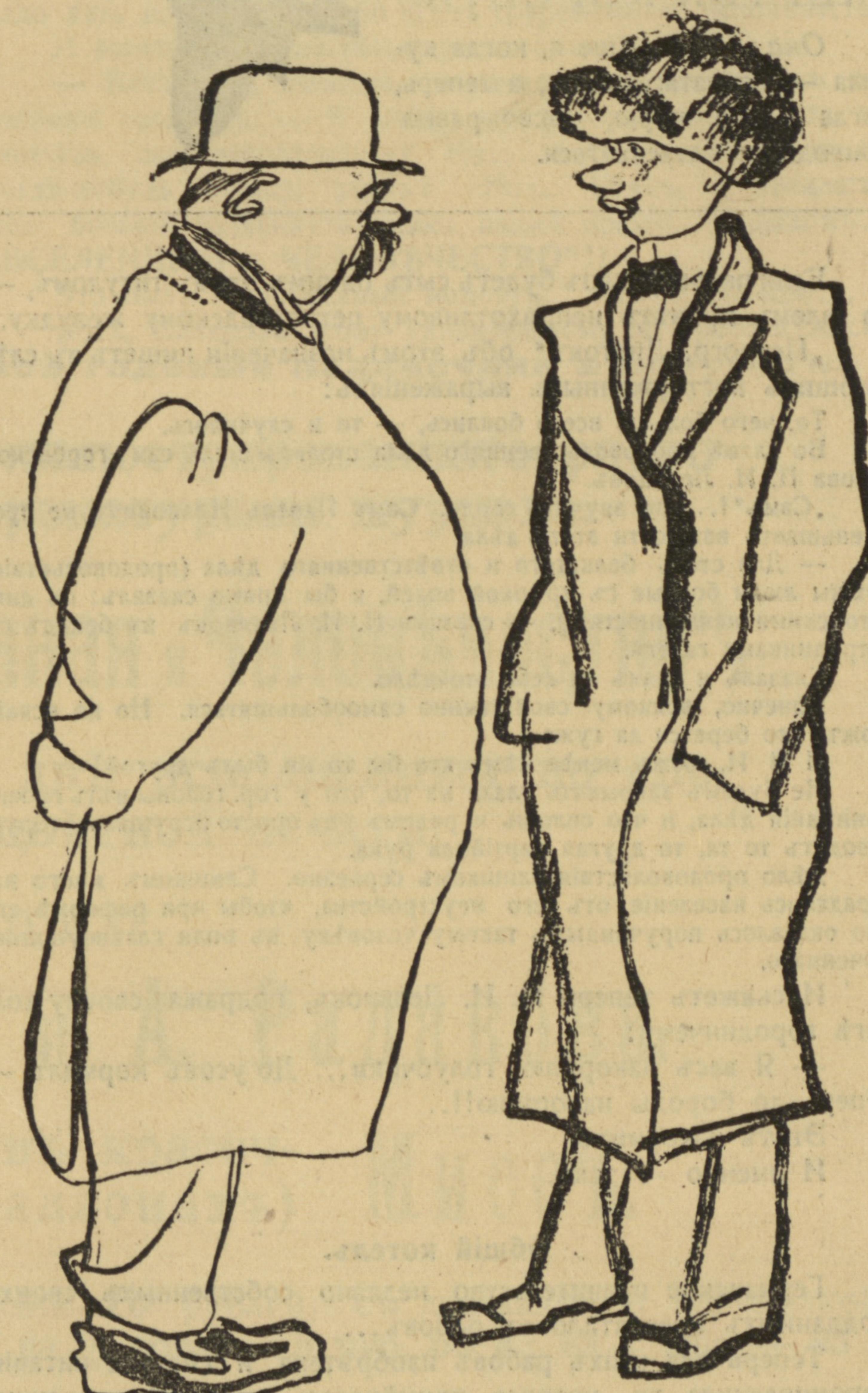
Въ наше время всеобщей разрухи — даже такое единеніе должно вызвать единодушное восхищеніе.

Удачный выборъ.

П. И. Леляновъ назначенъ „особо уполномоченнымъ по продовольственному дѣлу Петрограда“.

Это можно. Пусть называется.

Рис. В. Л.

— Какъ ваше имя?

— Ивановъ 14-й.

— Почему — 14-й?

— А меня, когда за столомъ 13 человѣкъ — всегда 14-мъ приглашаютъ.

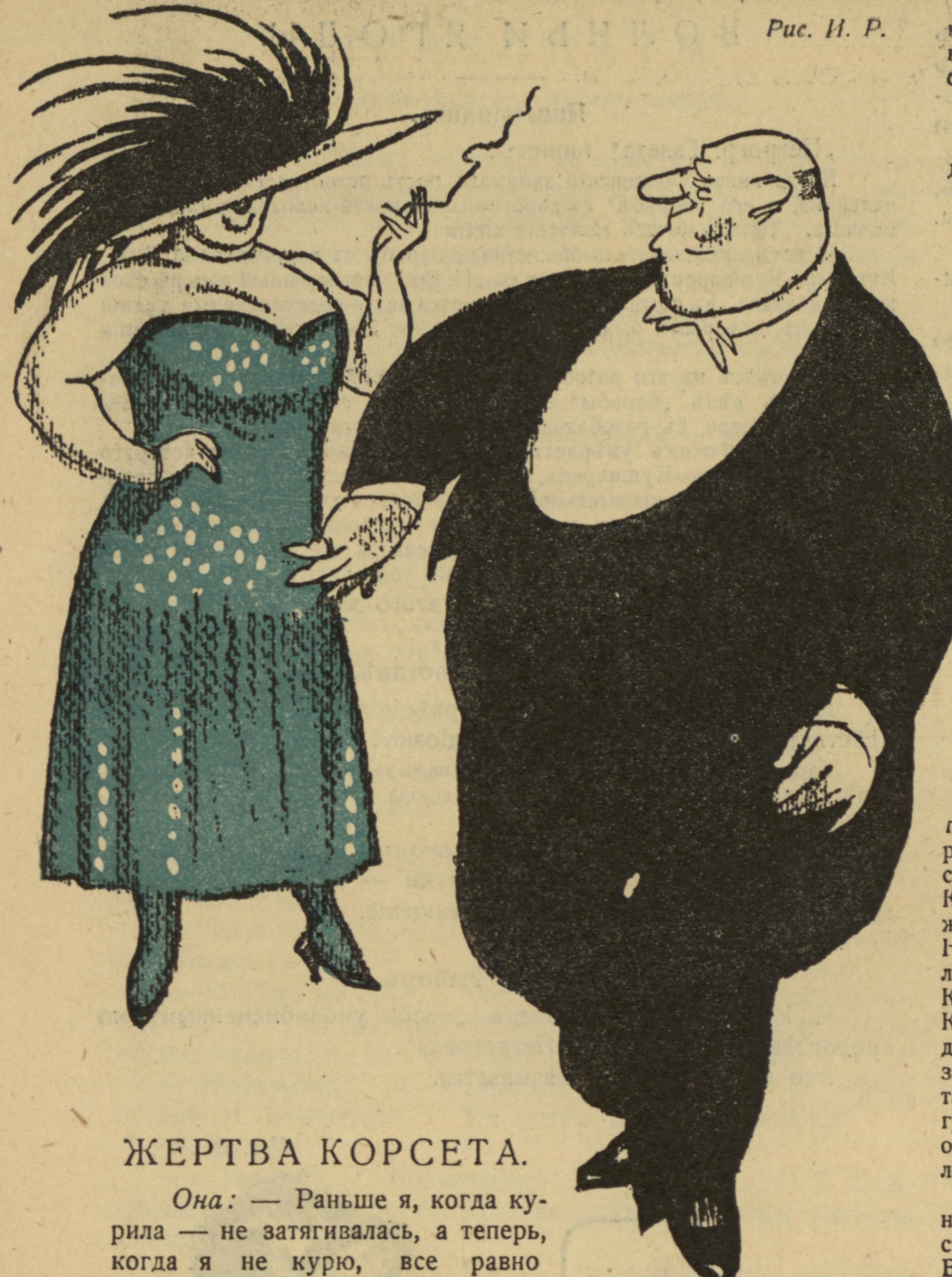

Рис. И. Р.

ЖЕРТВА КОРСЕТА.

Она: — Раньше я, когда курила — не затягивалась, а теперь, когда я не курю, все равно приходится затягиваться.

Если петроградецъ будет съеть однимъ этимъ титуломъ, — то шлемъ привѣтъ неприхотливому петроградскому желудку.

„Петрогр. Листокъ“ объ этомъ назначеніи пишетъ въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ:

То, чего больше всего боялись, — то и случилось.

Во главѣ продовольственного дѣла столицы стала самъ городской голова П. И. Леляновъ.

„Самъ“!.. Это звучить гордо. Самъ Павелъ Ивановичъ не преумножаетъ важности этого дѣла.

— Для столь большого и отвѣтственного дѣла (продовольствіе) нужны люди боевые съ крѣпкой волей, я бы прямо сказалъ: съ диктаторскими наклонностями, — сказалъ П. И. Леляновъ въ бесѣдѣ съ сотрудниками газеты.

Сказалъ и взялъ на себя это дѣло.

Конечно, всякому свойственно самообольщаться. Но не всякий дюжъ, кто берется за гужъ.

И П. И. дюжъ менѣе чѣмъ кто бы то ни былъ другой!

Не будемъ закрывать глаза на то, что у гор. головы нѣть своего пониманія дѣла, и что сплошь и рядомъ онъ просто игрушка, которую заводить то та, то другая партійная рука.

Дѣло продовольствія слишкомъ серьезно. Слишкомъ много настрадалось населеніе отъ его неустройства, чтобы при реформѣ его оно оказалось порученнымъ такому человѣку въ роли главноуполномоченного.

И скажетъ теперь П. И. Леляновъ, подражая своему коллегѣ городничему:

— Я васъ накормлю, голубчики... До усовъ кормиль — теперь до бороды накормлю!!!..

Этотъ накормить.

И именно — такъ.

Общій котель.

Германское правительство недавно собственныхъ своихъ подданныхъ превратило въ рабовъ...

Теперь для этихъ рабовъ изобрѣтена и система питанія, напоминающая ту, которая примѣнялась южно-африканскими плантаторами по отношенію къ своимъ чернокожимъ невольникамъ:

„Berliner Tageblatt“ передаетъ слухъ объ обсужденіи въ руководящихъ кругахъ проекта введенія массового довольствованія населенія путемъ доставленія утромъ, въ полдень и вечеромъ опредѣлен-

ныхъ порцій готовой пищи, вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Согласно проекту, все населеніе, безъ различія классовъ, должно участвовать въ этомъ общемъ питаніи.

Это грандіозный проектъ.

Если онъ войдетъ въ жизнь, то известный германскій девизъ:

— Германія надъ всѣмъ!

Придется замѣтить другимъ, болѣе скромнымъ.

— Лопай, что даютъ.

Обкладываютъ.

Дешево и сердито:

Главный совѣтъ с. р. и. въ виду отказа правительства въ субсидіи на поддержку изданій черносотенныхъ листковъ и возваній постановилъ обложить всѣхъ членовъ по 1 рублю. Кроме того, решено также усилить составъ редакціи газеты „Русское Знамя“ привлеченіемъ „болѣе талантливыхъ членовъ“.

Носятся слухи о привлечениіи въ составъ редакціи знаменитой лошади-математика „Эмиръ“ и дуровскаго борова, знавшаго весь русскій алфавитъ въ разбивку.

Эта реформа внесетъ свѣжую струю въ затхлую безграмотную атмосферу „Русского Знамени“.

Работоспособность.

Рѣчь кн. Мансырева съ трибуны Государственной Думы (цензурой пропущена):

— Не въ первый разъ, мнѣ приходится говорить о дѣятельности ген. Курлова, — говорить Мансыревъ, — 28 июля прошлаго года, я разсказывалъ вамъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которые были связаны съ его дѣятельностью въ Прибалтийскомъ краѣ и окончились уступкой Курляндіи нашимъ противникамъ на фронтѣ. Я подчеркиваю ближайшую связь уступки Курляндіи съ дѣятельностью ген. Курлова. Не останавливаясь подробно на фактахъ изъ этой области, замѣчу лишь, что многообразная обязательная постановленія, изданныя ген. Курловымъ, несомнѣнно, облегчили нашимъ врагамъ прохожденіе Курляндіи изъ конца въ конецъ, такъ какъ, противникъ все находилъ на своемъ мѣстѣ и въ чрезвычайномъ изобилии. Первое — обязательное постановленіе о запрещеніи вывоза всѣхъ продуктовъ питания, благодаря чему, все это осталось въ предѣлахъ Курляндской губ., даже тогда, когда нѣмцы находились уже въ Курляндіи не было отмѣнено до тѣхъ поръ, пока Курляндія не перестала намъ принадлежать.

Второе, — систематическая невыдача разрѣшений на храненіе и ношеніе оружія мѣстнымъ латышамъ и одновременно столь же систематическое разрѣшеніе на ношеніе оружія нѣмцамъ-колонистамъ. Въ третьемъ, — систематическое неизданіе какого-либо распоряженія о своевременной эвакуаціи должностныхъ лицъ, вслѣдствіе чего чуть ли не наканунѣ вступленія нѣмцевъ въ предѣлы губерніи всѣ волостные правленія были предоставлены своей участіи со всѣми бумагами и суммами, имъ принадлежащими. Въ четвертыхъ, — сосредоточеніе всѣхъ общественныхъ и крестьянскихъ суммъ въ одномъ лишь кредитномъ учрежденіи — дворянскомъ кредитномъ обществѣ въ Митавѣ, являющемся сособственно-дворянско-нѣмецкимъ. Вотъ всѣ краткіе этапы, которые привели меня къ выводу, что ген. Курловъ значительно способствовалъ переходу Курляндіи въ руки противника.

Какъ известно, ген. Курловъ нынѣ подписываетъ всѣ бумаги: „За министра внутреннихъ дѣлъ“.

Былъ домъ...

Это даже стало общимъ мѣстомъ:

— Сапожникъ всегда ходитъ безъ сапогъ...

Опубликовано три протокола объ антисанитарномъ состояніи д. № 37, Спасской ул. Выяснилось, что „домовладѣлецъ“, у которого запротоколено антисанитарное состояніе двора и квартиръ (сыростъ, гниль и зловоніе) — проф. Г. Е. Рейнъ, нынѣ главноуправляющій здравоохраненіемъ».

Очевидно, г. Рейнъ разсуждалъ такъ же, какъ и Мармела-довъ у Достоевскаго:

— Дорого стоитъ сія чистота.

Поцѣлуинъ обрядъ.

„Земщина“ утверждаетъ, что у Маркова 2-го не менѣе сочувствующихъ ему людей, чѣмъ у Родзянко:

У него не мало друзей, и онъ это видѣлъ въ первый же день исключенія его изъ тушинского блока, когда безъ всякаго шума и безъ рекламы эти друзья весь вечеръ являлись къ нему, чтобы пошать его честную руку и расцѣловать, но не іудиними а братскими поцѣлуями...

Ну, это не штука. Спиртомъ губы потомъ легко отмываются.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА:

АРК. АВЕРЧЕНКО,

„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“.

1-я премія

**ВСЕЛЕННАЯ и
ЧЕЛОВЪЧЕСТВО**

при участіи и подъ редакціей
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное издание.

2-я премія

ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).
оригинальная картина А. РАДАКОВА
(въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающи, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ.)

О ТЪ РЕДАКЦІИ:

Не ъешь, не пьешь, ночей не спишь... Все сидишь и думаешь, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы подписчикамъ было лучше.

И вотъ придумали.

Подписчику, конечно, весьма любопытенъ весь ходъ нашихъ мыслей и мнѣній по этому поводу.

На торжественномъ засѣданіи кто-то предложилъ:

— Давайте, дадимъ въ премію полное и подробное описание брюнетовъ, какъ таковыхъ.

— Идея. Только почему же описывать однихъ брюнетовъ? Давайте опишемъ и брюнетокъ.

— А, по-моему, эту идею надлежитъ развить шире: опишемъ всѣхъ русскихъ брюнетовъ, блондиновъ и шатеновъ.

— Можно еще больше расшириться, при чмъ тутъ цвѣтъ волосъ: дадимъ, вообще, описание русского человѣка.

— Эхъ-ма! — въ самозабвеніи крикнулъ секретарь. — Да чего тамъ: опишемъ всѣхъ европейцевъ.

— Европейцевъ? — прищурился поэтъ. — Берите шире: надо дать изслѣдованіе обо всемъ современномъ человѣчествѣ. И всталъ тогда мастерый редакторъ.

— Вотъ что, господа, — началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Я знаю, что работа наша будетъ гигантская, сверхчеловѣческая! Но... останавливались ли мы когда-нибудь передъ этимъ? Нѣть. Итакъ, я предлагаю еще больше раздвинуть рамки нашей преміи... Дадимъ... **“ВСЕЛЕННУЮ и ЧЕЛОВЪЧЕСТВО”!!**

Это былъ незабываемый моментъ. Многіе плакали...

Вотъ, благодаря этому удивительному по красотѣ жесту, **всѣ годовые подписчики и получать:**

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками и карикатурами журнала.

1 большой томъ

„Вселенная и Человѣчество“.

4 картины, изъ нихъ двѣ исполненные по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 картины

Ре-МИ и А. Радакова.

2 картины

(силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1 годъ безъ доставки **10** рублей; съ доставкой и пересылкой:
на 1 годъ — **11** руб.; на $\frac{1}{2}$ года — **5** руб. **50** к.; на 1 мѣс. — **95** к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **5** руб., 1-го мая **3** руб., 1-го сентября **3** руб.

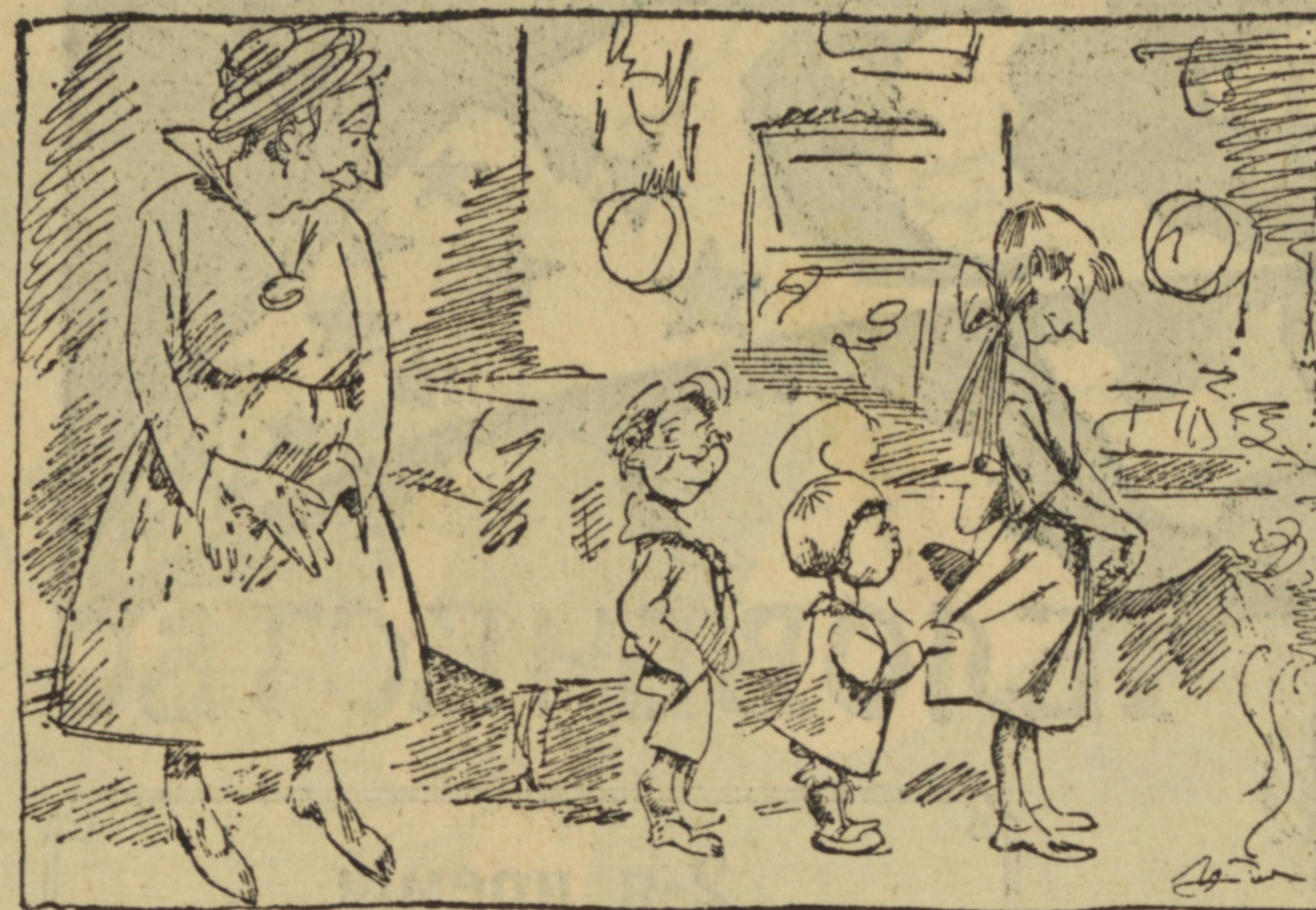
Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. Н. Радлова.

ДѢТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

— Что это вы, дѣтки, такъ стоите?..

— А это мы стали въ очередь. Въ этомъ углу на Рождество должна стоять елка.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Сай-Сурову. — Этотъ поэтъ ведеть себя болѣе, чѣмъ странно:

„Моя Катя хоть куда —
Не найдешь такую;
Я ее очень люблю
И рекомендую“.

Мужчинѣ такими дѣлами заниматься стыдно.

С. О. П. — „...А Костя схватилъ чью-то палку, бросился на дѣвушку и сталъ ею размахивать“.

Вывода отсюда три: или Костя сильный, или дѣвушка легкая, или — что проще всего — авторъ безграмотный.

Зубному врачу. — Говорить намъ зубной врачъ:

— Не надо, чтобы въ „Сатириконѣ“ было печальное! Несите намъ смѣхъ! Несите намъ веселье! Несите намъ легкую остроумную шутку!“ Всякий несетъ, что можетъ.

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

Маленькому Ойли. — Ойли рѣшилъ, что съ существующимъ порядкомъ вещей нужно распорядиться по-свойски:

Остановите ходъ часовъ.
Зачѣмъ они идутъ?
Заприте двери на засовъ,
Пусть люди ницъ падутъ“.

Въ виду того, что авторомъ точно не указано, какіе именно часы нужно остановить, какія двери надлежитъ запереть и какъ имена и общественное положеніе лицъ, существующихъ пасть ницъ — просьба автора редакціей уважена быть не можетъ...

Б. Провинція.

Харьковъ. — Черри Бренді. — Эта веселая личность освѣдомлена:

„Почему у васъ въ журналь такъ мало мордашекъ (?)“. Да, это вы правы. Съ мордашками нынче неважно. Разъ-два, да и обчелся, какъ говорится.

А, впрочемъ, вашъ запросъ намъ неясенъ. Что нужно?

Рязань. — Мелюзгъ. — Запросы провинціи насущны и многообразны. Многое, непонятное столичному жителю, волнуетъ и затрагиваетъ краткаго честнаго провинціала.

Мелюзга спрашиваетъ:

„Дѣйствительно ли вредно куренье и, если вредно, какой наилучший и простой способъ отъ него отвыкнуть“.

Наилучшій и простой, — это братъ попирошу въ ротъ не тѣмъ концомъ.

Уже съ первой папироны признаки раскаянія будуть очень замѣтны.

Безъ города. — Кодыгробову.

Ѣду,
Вдругъ — стой!
Смотрю.
Ой-ой-ой?
Руки топорныя
Брюки
Черныя.

Такіе стихи сочиняются въ мѣстностяхъ, изобилующихъ землетрясѣніями.

Редакція равнодушно отворачивается отъ автора.

Одесса. — Скобисту. — Скобистъ даже невинную лѣсную птицу готовъ втянуть въ свои мелкія меркантильныя дѣла.

Онъ, напримѣръ, запрашиваетъ кукушку о... журнальномъ гонорарѣ:

„О кукушка, прокукуй,
Сколько тамъ за сроку платять“.

Если кукушка умная — она должна промолчать.
Ни гроша, моль, тебѣ не заплатять.

Ave.

„Газета-Копѣйка“

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на Петроградскую газету

Самая ДЕШЕВАЯ и самая распространенная газета въ Россіи

„Газета-Копѣйка“

Всюду собственные корреспонденты.

вполнѣ замѣняетъ большія газеты, такъ какъ печатаетъ весь матеріалъ въ сокращенномъ видѣ. Безплатныя приложения — ИЛЛЮСТРАЦІИ, ФЕЛЬЕТОНЫ, РОМАНЫ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ и ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ КНИГА.

1-е издан. „ГАЗЕТА-КОПѢЙКА“ безъ приложений.

Подписная цѣна на 1-е изданіе: на 12 мѣс. 8 р. — к.

РАЗСРОЧКА на 1-е ИЗДАНІЕ: а) Для подписывающихся на 12 мѣс.: при подпискѣ — 3 р., къ 1 марта — 3 р. и къ 1 мая — 2 р.

б) Для подписывающихся на 6 мѣс.: при подпискѣ — 3 руб., и къ 1 марта — 1 руб. 50 коп.

2-е издан. „ГАЗЕТА-КОПѢЙКА“ вмѣстѣ съ прилож. ЕЖЕНЕДѢЛЬН. ЖУРН.

„ЖУРНАЛЪ-КОПѢЙКА“ и ЕЖЕМѢСЯЧН. ЖУРНАЛА „ВОЛНЫ“.

Подписная цѣна на 2-е издан.: на 12 мѣс. 12 р. — к.

РАЗСРОЧКА на 2-е ИЗДАНІЕ: а) Для подписк. на 12 м.: при подпискѣ — 4 р., къ 1 марта — 4 р. и къ 1 мая — 4 р. б) Для подписк. на 6 мѣс.: при подпискѣ — 4 р. и къ 1 марта — 2 р. 50 к.

Деньги высыпать по адресу:

Петроградъ, Акционерное Общество Издательского Дѣла „КОПѢЙКА“. Лиговская ул., 111-113, соб. домъ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

ВЫТЯЖКА

изъ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастении, истерии, невральгии, старческой дряхости, подагре, ревматизме, малокровии, артериосклер., туберкулезе, диабете, головныхъ боляхъ, бессоннице, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлюэнзы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюдений высыпается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ фланкъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересыпка—40 к., пересыпка свыше одного фланкъ—3 р. 25 к. Гг. врачу, лабораторіи Д. Калениченко, Москва, Козловский пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр. Москва, Калефонидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Вытяжка изъ стъменныхъ желеzъ изготавливается естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реа-
кций и ничего общаго не имѣетъ со химически из-
готовленными сперминомъ.

Отъ издательства журнала „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

При слѣдующемъ (52) номерѣ журнала всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разослана послѣдняя премія — альбомъ, отпечатанный въ нѣсколько красокъ:

ТЕАТРЪ И ВСЕ ==
== ОСТАЛЬНОЕ.

Оригинальные шаржи художника
Ре-ми.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣль

„ТАВАС СЕТ СИГАРЕТТС ДЕ ЛЮКС“

SPHINX 10 шт.
отъ 40 к. — 1 р.

KHEDIVE 10 шт.
отъ 30 к. — 60 к.

CLASSIC 10 шт.
отъ 30 к. — 60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКІ 1 фунтъ
отъ 12 р. — 16 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Ж-бо Л. Ж. Щогдаховъ и Ко.

ПАПИРОСЫ

При этомъ номерѣ прилагается переводный бланкъ для подписки на журналъ „НИВА“ на 1917 годъ съ приложеніями: 1-я Серія полнаго собранія сочиненій М. Горькаго. Полное собраніе сочиненій С. Я. Надсона. 3-я Серія полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка. Полный переводъ романа „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса. Неполучившихъ подписного бланка просятъ обращаться въ контору журнала „Нива“: Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

4-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ДВѢ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на голъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

ЦѢНА за объявленія — нонпарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благодаря чему является незамѣнимымъ средствомъ при различныхъ желудочныхъ заболѣваніяхъ, а также рекомендуется для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 27 по требованію бесплатно.

Англ. Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)
МОСКВА, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Карманная библіотека „Нового Сатирикона“:

Выпускъ 1-й. Ал. Гринъ. Происшествіе въ улицѣ Пса. Цѣна 50 коп.

2-й. Графъ Алексѣй Толстой. Оріонъ. Цѣна 50 коп.

3-й. Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры. Цѣна 50 коп.

4-й. Александръ Рославлевъ. Записки полицейского пристава. Цѣна 50 к.

Рис. А. Радакова.

Д В А Н А В О Д Н Е Н І Я.

У Германії єсть опасность захлебнуться отъ крови...

У Америки єсть опасность захлебнуться отъ золота.